

ЕКАТЕРИНА ГУРДУЗ
(Украина)

Жанровая матрица антивоенного романа и современная литература

Вступление: война, мир и литература

Антивоенный роман как художественно-эстетический феномен красноречив уже своим жанровым названием, настраивающим читателя на отрицание, осуждение войны и имплицитно связанным с экзистенциальным дискурсом антиномии война / мир, являющейся предметом осмысления не только в искусствоведении, в частности в науке о литературе, но и в философии, психологии, социологии, истории, антропологии, конфликтологии, политологии и других сферах знаний.

В мировом литературном пространстве, начиная с фольклора, категории войны и мира также находят свое непосредственное отражение. Интересные наблюдения по этому поводу подаются в романе С. Пантюка «Война и мы» («Війна і ми», 2012). У героини произведения – психолога Ники Полевой, анализирующей отрывки будущего произведения своего виртуального знакомого, возникает «кромольный» вопрос, стоило ли касаться этой сложной темы: «Кажется, во всей мировой литературе нет ни одного, вдумайтесь, ни одного произведения, в котором хотя бы не упоминалась война. И в народном творчестве, и даже в стихах для самых маленьких деток о ней упоминается. Есть ряд колыбельных, в которых речь идет о войне. Ребенок только родился, а его уже на подсознательном уровне готовят к участию в кровопролитии! Разве это не ужасно?» (Пантюк 2012: 127). Сомнения относительно целесообразности обращения писателя к теме войны автор также вкладывает в уста главного героя, который пишет роман о пережитом на войне. С. Грабарь в предисловии к изданию называет произведение С. Пантюка романом-исповедью: «Иначе я не могу назвать это сплетение воспоминаний, отчаяния и побед. Война действительно живет в каждом из нас. Просто мы в этом не хотим признаться себе. Вся история человечества соткана из войн» (Пантюк 2012: 7). В финальных аккордах романа С. Пантюк делает акценты на более глубоком, трансцендентальном понимании войны: «Наконец, война – она такая же вечная, как и мы, и весь вопрос лишь в том – в каком ракурсе мы ее рассматриваем. / И даже если мы не замечаем ее, это вовсе не означает, что не принимаем в ней участия...» (Пантюк 2012: 167).

Как социальное явление война издавна волновала различных мыслителей и в их оценках часто приобретала диаметрально противоположные звучания: ее воспринимали как бедствие и как благо, как источник смерти и движущую

силу жизни, как искусство, даже как игру. Научное толкование этого понятия вполне укладывается в рамки одного предложения: «Вооруженная борьба между различными государствами и народами или между общественными классами в рамках одной» (Дубічинський 2006: 149), «вооруженная борьба между государствами или классами за осуществление их экономических и политических целей, продолжение политики насильственными средствами» (Шкодунович 1958: 75), «способ разрешения противоречий между классами, государствами и нациями средствами организованной вооруженной борьбы за достижение определенных политических целей, продолжение политики насильственными средствами» (Кудрицкий 1986: 302), «общественно-политическое явление, смысл которого заключается в продолжении политики насильственными методами, политики, которую проводят государства и разные классы внутри их» (Астахова 1993: 14), «крайне сложное общественное явление, которое является продолжением политической борьбы государств, наций, групп населения с применением вооруженного насилия» (Гуржії 2004: 107). Как видим, в определениях войны нет существенных различий, но они не раскрывают ее глубину, страшные последствия, влияние на судьбу отдельных участников и человечества в целом.

Изучению этого явления в его различных аспектах посвящено много фундаментальных научных трудов, но как бы ни старались их авторы передать сокрушительную сущность войны, разоблачить ее антигуманистическую направленность (по подсчетам современных ученых за пятьдесят веков на Земле произошло более 15 тысяч войн, сотни ужасных переворотов в социальной, экономической и культурной жизни народов, в которых погибло более 4 миллиардов людей (Бойченко 2006: 517), им вряд ли удастся передать свои мысли насколько проникновенно, как это делают мастера художественного слова. Неслучайно выдающийся мыслитель XX века. Х. Ортега-и-Гассет, определяя миссию науки наработкой определений, что, по его мнению, служат лишь умственной отсылкой к предмету, усматривал ключевую роль искусства в постижении действительности: «В науке важны не вещи, а знаковая система, способная их заместить. / Назначение искусства прямо противоположно. Его цель – уйти от привычного знака и достичь самого предмета. Двигатель искусства – прекрасная жажда видеть» (Ортега-и-Гассет 1991: 265–266).

Прийти к пониманию глубинной сущности войны как социально-философского явления стремились многие исследователи. Начиная с эпохи античности они пытались осмыслить не только причины войн, но и перспективы их дальнейшего развития или упадка. Аналитические студии продолжаются и сегодня. Интересным вкладом в разработку этой проблемы представляются работы А. Назаретяна. Автор, обращая внимание на имманентность войны в жизни человечества, замечает: «Если за критерий войны принять массовый вооруженный грабеж, то она начинается в неолите <...> Если же войной считать коллективные сражения с применением наиболее убийных из всех существующих в то время орудий убийства, то она ровесница даже не вида неоантропов, а всего рода Номо» (Назаретян 2007: 87-88). Похожие мысли находим и во многих других источниках: «Человечество, поднима-ясь по лестнице общественного прогресса, тысячелетиями тянуло длинный шлейф

войн и вооруженных конфликтов <...> Человек воевал в глубокой древности, продолжает воевать в современности, очевидно, будет воевать в будущем. Меняются представления о типах и характере войн и армий, системах обороны, реальные силовые методы, но во все эпохи человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом» (Бойченко 2006: 517).

В конце XX века В. Нечипоренко, отстаивая идею политической смерти войны, утверждал: «В современном мире война потеряла свой смысл, а после потери собственного смысла любое явление становится менее вероятным, дальше – и просто невозможным» (Нечипоренко 1998: 131). По мнению автора, человечество навсегда сделало практически невозможными настоящие войны на мега- и макроуровнях. На микроуровне В. Нечипоренко рассматривает затяжные маленькие войны, которые ведутся террористическими методами. Эта болезнь, на его взгляд, потребует более длительного лечения, но и она должна поддаться влиянию всеобщей демилитаризации мира: «общеисторические тенденции постепенной, всемирной демилитаризации уже необратимы» (Нечипоренко 1998: 131). К сожалению, оптимистический прогноз исследователя не оправдался, и сегодня действительность демонстрирует новую волну милитарной агрессии.

В начале XXI века человечество уже пережило не одну войну (кроме известных войн в Абхазии, Израиле, Иране, Центральной Африке, Южной Осетии, Южном Таиланде, революций в Египте, Йемене, Тунисе, произошли многочисленные малоизвестные, но не менее значимые военные восстания и беспорядки, например, Дарфурский конфликт, Вторая гражданская война в Чаде, Ивуарская война, операция на острове Анжуан, Туарегское восстание, Шиитский путч и др.), а в отдельных странах и регионах вооруженные конфликты продолжают и сейчас (Афганистан, Ирак, Ливия, Нигерия, Саудовская Аравия, Северный Кавказ, Сербия, Сирия, Сомали, Украина и др). Сегодня как никогда нависла угроза III мировой войны, а учитывая выше сказанное, утверждение некоторых исследователей о том, что она уже давно идет, представляются нам не лишены смысла. «Человечество вступило в критическую фазу, путь выхода из которой во многом определит дальнейшую судьбу Земной цивилизации, а может быть, и Космоса, – справедливо отмечает А. Назаретян. – Выбор эффективных стратегий сохранения и развития может зависеть и от того, как человек видит себя, свою историю и свои глубинные мотивации» (Назаретян 2007: 235).

Думается, художественная литература имеет глубокий потенциал постижения феномена войны и поиска путей его преодоления благодаря мощным возможностям образного слова, ведь, в отличие от различных отраслей наук, ограниченных определенными параметрами объектов изучения, – историческими, психологическими, социальными и т. п, ее исследования отображают целый комплекс важных граней человеческой жизни.

Возвращаясь к процитированному выше вопросу героини романа «Война и мы», стоит подчеркнуть, что литература как отражение сложной диалектики жизни не может обойти столь важной ее составляющей, какой бы ужасной она не была. Подтверждением этого тезиса могут стать известные слова Н. Гоголя о том, что

бывают времена, когда нельзя иначе устремить общество к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости.

Концепты войны и мира действительно неотступно сопровождают все этапы развития искусства слова, но в разные эпохи понимание их сущности приобретало новые оттенки и даже могло кардинально изменять отдельные аксиологические векторы. Своеобразный диалог такого рода рецепций и интерпретаций продолжается до сих пор, что является еще одним неоспоримым свидетельством непреходящей актуальности обозначенной проблемы. Неслучайно именно в XX ст., ознаменованном двумя мировыми и многими локальными войнами, тема войны и, соответственно, идея ее осуждения и разоблачения необратимых последствий приобрели в литературе мейнстримовый статус. Закономерным является и обращение к романному жанру как свободной форме, в которой, по определению Л. Толстого, «есть место и свобода для выражения всего, что только переживает внутри и вовне человек» (Толстой 1951: 359).

Несмотря на номинативную очевидность и использование в практике анализа генологии литературы антивоенный роман (далее АР) до сих пор не имеет не только теоретического определения, но и признания как термин. В литературоведческих справочниках, словарях и энциклопедиях наряду с объяснением широкого спектра жанровых модификаций романа антивоенный даже не упоминается, а его яркие образцы относятся к тем или иным тематическим, хромотопным, формальным группам. Даже в основательных исследованиях, посвященных роману или проблемам жанра в целом, АР не называется, а его образцы анализируются в контексте социального, психологического, философского, исторического, патриотического, приключенческого, автобиографического романа или их синтетических жанрообразований. Следовательно, указанный вопрос требует дальнейшего тщательного изучения.

Отдельные наработки в постижении этой проблемы в литературоведческой практике уже есть. В монографиях Т. Мотылевой «Первый антифашистский роман. «Верноподанный» (Мотылева 1974) и «Роман – свободная форма» (Мотылева 1982) обоснована правомерность употребления термина «антифашистский роман». В научных трудах Н. Гуменного, в частности в монографиях «Поэтика романного жанра Алеся Гончара: проблемы типологий» (Гуменный 2005), «Западный антивоенный роман и проза А. Гончара: компаративный аспект» (Гуменный 2012), на конкретном историко-литературном материале проанализированы типологические схождения в обработке антивоенной тематики западноевропейскими романистами I половины XX века и одним из самых ярких романистов украинской литературы – А. Гончаром. В монографии И. Захарчук «Война и слово (Милитарная парадигма литературы реалистического реализма)» рассмотрен милитарный вектор украинского художественного сознания в контексте тоталитарной литературы (Захарчук 2008). Однако целостное и системное исследование АР в качестве одного из магистральных литературных жанров XX и XXI века до сих пор отсутствует. В рамках данной работы попытаемся очертить ведущие жанровые признаки АР и его место в романном дискурсе всемирной литературы.

Антивоенный роман: генеалогическая иерархия и жанровые маркеры

В литературоведческой практике терминологический контекст АР часто граничит с такими понятиями, как военная, милитарная литература, военная проза, военный, батальный, антифашистский роман. Немецкие исследователи детерминируют произведения указанной тематики еще и как военно-критические, пацифистические, демократически-военные (Schneider 2004: 11). Бесспорно, все эти определения имеют право на существование, но в то же время еще больше усложняют проблему жанрового определения АР и часто приводят к неправильному пониманию родовых и видовых отношений в пределах указанного терминологического поля.

В сложной генеалогии литературы АР занимает особое место. Схематично основные и наиболее употребляемые категории жанровой иерархии художественного военного дискурса можно расположить в таком порядке: ВЛ → ВП → АР → АфР. Так, более широким, универсальным понятием является военная литература, которая может охватывать не только жанровые звенья сложной генеалогической модели литературы, но и ее родовые категории – кроме эпоса, еще и лирику, драму и их синтетические образования. Не любой роман о войне можно отнести к категории антивоенных. АР, соответственно, является составляющей военной прозы (хотя теоретически АР в стихах тоже возможен) наряду с повестью, рассказом, новеллой и другими малыми эпическими формами, и сосредотачивается на проблеме осуждения войны. Антифашистский роман в свою очередь является одним из тематических ответвлений АР.

Историко-типологический анализ АР в различных национальных литературах свидетельствует об определенных отличиях художественной интерпретации войны. Прежде всего, это можно объяснить тем, что большинство писателей, фактически, находилось «по разные стороны баррикад», хоть часто и помимо своей воли. Именно поэтому, наверное, славянский АР не ассоциируется с литературой «потерянного поколения», чьи представители в большинстве являются бывшими фронтовиками, которых заставили воевать против ни в чем не повинных людей. Следовательно, можно говорить о сложившихся национальных традициях антивоенной романистики. Однако для осмысления поэтикальной парадигмы АР важно обратить внимание на типологические схождения образцов этого жанра в литературах различных стран. У Х. Ортеги-и-Гассета находим дельные соображения по этому поводу: «Нет ничего более легкого, чем подмечать различия между отдельными произведениями. Но подобное акцентирование различий и специфики ни к чему не приведет, если сначала не определить то общее, которое разнообразно, а порою и противоречиво утверждается во всех них. / Собственно говоря, виды – это специфика рода, и мы различаем их только тогда, когда можем увидеть в многообразии изменчивых форм их общий корень» (Ортега-и-Гассет 1991: 232). Определение художественной специфики жанровой модели АР невозможно без изучения его общих черт в разнонациональных литературах.

Безусловно, в АР присутствуют классические черты романного жанра, в частности масштабность изображения, сложное строение, широкие пространственно-временные границы, разветвленная образная система. Выделение АР как самостоятельной художественной структуры среди других подобных становится возможным за счет ряда самобытных жанровых признаков, составляющих его основу, так называемую жанровую матрицу.

Ключевым жанровым маркером АР является мощный гуманистический пафос, сопряженный с непреклонным осуждением войны, разоблачением ее преступной и противоестественной сути. Собственно, антивоенный пафос является тем художественно-стилевым мерилем, которое позволяет выделить антивоенный среди многих других жанровых модификаций романа. Анализируя антифашистскую литературу, в 1934 г. Г. Манн отмечал, что она совсем не обязательно является таковой по намерению, однако становится ею уже в силу того, что стоит за свободу совести (Мотылева 1974: 3). Эту мысль можно экстраполировать на антивоенную прозу в целом и на АР в частности, ведь много его образцов не содержат пространственных нравоучений и морализаторских наставлений относительно понимания войны, но подводят читателя к осознанию ее сокрушительной силы. Созвучный тезис высказала Т. Денисова, убеждая, что «правдивый показ войны – это одновременно борьба за мир» (Денисова 1963: 88).

Чрезмерный же пафос часто становился причиной нареканий авторам антивоенных произведений со стороны литературных критиков. Именно с таких позиций выходит главный герой романа «Книга забвения» («Книга забытая», 2013) В. Слапчука – бывший фронтовик, пишущий роман о пережитом на войне в Афганистане и воспринимающийся как alter ego самого автора. Ставя перед собой задачу освободиться от чрезмерного пафоса, что в его восприятии предстает как приправа к правде, он подает референционные комментарии по поводу неотделимости пафоса и антивоенного жанра: «Я еще не начал писать, а уже сделал огромный крен в сторону пафоса. Во многих случаях пафос и является тем звеном, что соединяет войну с литературой, поскольку и война, и литература независимо друг от друга эксплуатируют пафос с максимальной отдачей, а при их соединении возникает ощутимый избыток, что совсем не здорово, и я хотел бы избежать этой ловушки» (Слапчук 2013: 10). Примечательным можно считать и тот факт, что на протяжении всего произведения автор не раз признает намеченную цель недостижимой.

АР предстает как контаминированная жанровая структура, которая может совмещать одну или несколько дополнительных жанровых доминант на уровне содержания, хронотопа, тематики, то есть может одновременно быть социально-психологическим, философским, историческим, приключенческим, фантастическим, урбанистическим, маринистическим, новеллистическим, романом в стихах, письмах. Н. Гуменный в этом контексте замечает: «Антивоенные романы XX века не только не отрицают других социально-бытовых, психологических, политических, философских, – они просто были бы невозможны вне связей с ними. Они сами «вырастают» из этих форм, которые оказались в обстоятельствах меж-

дуоенного периода далеко не простыми и традиционными, но почти всегда переходными и в сфере содержания, и на уровне поэтики» (Гуменный 2005: 9–10). Т. Мотылева предлагает различать антивоенные романы-предостережения, романы-свидетельства, романы исследования (Мотылева 1982).

Художественным стержнем АР является концепт войны, который структурирует произведение в зависимости от его проблемно-тематических векторов и обуславливает развертывание сюжета в той или иной содержательной плоскости. Основным призванием текстов антивоенного жанра, по свидетельству самих авторов, стало правдивое изображение войны и развенчание связанных с ней мифов. Красноречивы в этом смысле рассуждения Дж. Голсуорси относительно цели, которую преследует романист: «Рисуя частицу жизни в обязательной соотнесенности с целой жизнью смело и объективно, он не излечивает эту частицу, а просто делает ее наиболее выпуклой для общего обозрения и тем самым косвенно способствует эволюции» (Андреев 1986: 491). Указанной задаче подчиняются все элементы анализируемых произведений.

Ф. Мориак отмечал, что роман «является ничего не стоящим, если он не занимается исследованием человека, и не имеет смысла существования, если он не добавляет ничего нового к нашему знанию человеческого сердца» (Черненко 1977: 11). Вполне вероятно, что подобное понимание художественной интенциональности литературного произведения способствовало усилению авторского внимания к психологическим акцентам АР и, соответственно, правдивого изображения человека на войне во всей сложной гамме ее чувств, переживаний и внутренних борений.

Главным идейным задачам подчиняются также пространственно-временные измерения произведений. Н. Гуменный, рассматривая АР как «наиболее адекватный способ художественного осмысления проблемы войны и мира», называет такие его жанротворческие признаки: «Эпические и драматические начала преобладают над лирическими, а с точки зрения собственно жанровой – историческое время преобладает над биографическим. Хронотоп антивоенного романа типологически устойчивый, подчинен главной организующей идее изображения войны во всех ее ипостасях, реализация его возможна лишь в пространственно-временных координатах» (Гуменный 2005: 9–10).

АР, как правило, имеют многоуровневую архитектуру, усложненную за счет разнообразных внетекстовых элементов (дедикаций, жанровых подзаголовков, названий отдельных частей и разделов, ссылок, примечаний) и жанровых вставок (писем, снов, новелл и рассказов, стихов, песен и проч.) композицию. Анализируя литературные эксперименты современной ей эпохи, Т. Мотылева подчеркивает, что «роман по-новому осознал свои задачи как исследования социальной жизни, пошел на сближение с философией, политическим эссе, включил в свою орбиту документ, репортаж, элементы научной и деловой прозы. Словом, то новое, что внес XX век в искусство романа, – это, прежде всего, рост его познавательной энергии и социальной активности, отвечающий революционному, динамическому характеру переживаемого нами столетия» (Мотылева 1982: 7). Опираясь на указанные выводы исследовательницы и собственные наблюдения, заметим, что АР вобрал в себя

лучшие достижения жанра и одновременно выработал собственную художественную систему.

Наиболее употребляемые приемы, к которым прибегают авторы АР, – интроспекции, ретроспекции и антиципации. Они помогают быстро изменять временные и пространственные координаты и создают в воображении читателя сложный калейдоскоп переживаний человека на фоне мирного и военного времени. К специфическим приметам жанра относятся также батальные сцены, натуралистические описания, повышенный лиризм и документальность, хотя они и не являются его обязательным атрибутом. В частности, не во всех АР подаются непосредственные описания войны. В некоторых текстах она упоминается между строк: военные события составляют лишь незначительную часть художественного пространства романа, подаются ретроспективно или вообще не описываются, зато внимание читателей направляется в русло размышлений над последствиями войны, ее значением в жизни отдельной личности и человечества в целом. Но мощная идейная направленность к осуждению войны, высокий антивоенный пафос подобных произведений дают достаточно оснований для отнесения их к антивоенному жанру.

История и современность: классика жанра и литературные новинки

Истоки АР как части военной литературы следует искать в героическом эпосе – «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, «Песни о Нибелунгах», «Песни о Роланде», «Песни о Сиде», а в славянском наследии – «Слове о полку Игореве», летописях, народных думах, песнях и былинах. Из авторской литературы безусловное влияние на зарождение АР имел роман-эпопея Л. Толстого «Война и мир» (1869), который по праву считается первым в истории мировой художественной прозы широкомасштабным полотном, посвященным осмыслению историософских аспектов военных побед и поражений в аксиологической плоскости человеческой жизни.

Фундаментальной основой жанровой системы АР в диахроническом разрезе следует считать романы-предвосхищения, романы-предупреждения войны: «Война миров» («The War of the Worlds», 1897), «Война в воздухе» («The War in the Air», 1908) Г. Уэллса, «Железная пята» («The Iron Heel», 1908), «Алая чума» («The Scarlet Plague», 1912) Джека Лондона. Чуть позже выйдут в свет романы-предсказания фашизма и новой войны: «Степной волк» («Der Steppenwolf», 1927) Г. Гессе, «У нас это невозможно» («It can't Happen Here», 1935) С. Льюиса, «Фабрика абсолюта» («Tovarna na absolutno», 1922), «Война с саламандрами» («Válka s mloky», 1936) К. Чапека и др. Т. Мотылева назвала произведения этой тематики романами-предостережениями (Мотылева 1982: 362).

В 1914 г. за два месяца до начала войны Г. Манн закончил работу над произведением «Верноподанный» («Der Untertan»), который сегодня расценивается как первый антифашистский роман. Позже автор отмечал, что во время написания текста фашизм еще не сформировался, однако представления об этом явлении он

уже имел. «Своего рода парадоксом» называет Т. Мотылева этот антифашистский роман, написанный до возникновения фашизма (Мотылева 1982: 5).

Как отклик на события первой мировой войны в 1915 г. из-под пера А. Барбюса выходит роман «Огонь» («Le Feu»), новаторский по своему замыслу (передача правды войны) и способам его художественного воплощения (натуралистический рассказ об ужасных реалиях фронтового быта). Пережитые события легли в основу романов «Тысяча девятьсот восемнадцатый год» («Neunzehnhundertachtzehn», 1919) Л. Фейхтвангера, «Юный Гедешаль» («Der junge Goedeschal», 1920) Ганса Фаллады и тому подобное. Особое место в АР междувоенного периода занимает произведение Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» («Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války», 1923), в котором автор в новаторской приключенческо-сатирической форме разоблачает разноплановые противоречия власти и жестокой бессмысленности войны.

В конце 20-х гг. XX ст. в литературе прослеживается новая волна интереса к военной / антивоенной тематике: «Спор об унтере Грише» («Der Streit um den Sergeanten Grischa», 1927) А. Цвейга, «Солдат Зурен» («Soldat Suhren», 1927), «Лагерь Лафайет» («Camp Lafayette», 1929) Г. ф. д. Вринга, «Война» («Krieg», 1928) Л. Ренна, «Год рождения 1902» («Jahrgang 1902», 1928) Э. Глезера. Исследователи отмечают, что в это время вместе с известными писателями к АР обратились авторы, которые громко заявили о себе уже первыми книгами и вскоре заняли почетное место на литературном горизонте. В 1929 г. одновременно, но в разных уголках мира печатаются романы «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues») Э. М. Ремарка, «Смерть героя» («Death of a Hero») Р. Олдингтона, «Прощай, оружие!» («A Farewell to Arms!») Э. Хемингуэя. Эти произведения стали хрестоматийными образцами АР.

К междувоенному периоду развития АР можно также отнести «Успех» («Erfolg», 1930) Л. Фейхтвангера, «Мир» («Frieden», 1930), «Последний штатский» («Der letzte Zivilist», 1935) Э. Глезера, «Соревнования с розой» («Der Wettlauf mit der Rose», 1932) Г. ф. д. Вринга, «Цена за его голову» («Der Kopflohn», 1933) Анны Зегерс и др.

В этот период выходят также романы-продолжения, которые стали вторыми частями антивоенных диалогий вместе с названными выше произведениями: «После войны» («Nach Krieg», 1930) Л. Ренна, «Возвращение» («Der Weg zurück», 1931) Э. М. Ремарка, «Все люди – враги» («All Men Are Enemies», 1933) Р. Олдингтона. Интересно, что упоминавшийся уже роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», напротив, объединен в диалогию с предыдущим – «И восходит солнце» («The Sun Also Rises», 1926). Антифашистские романы Л. Фейхтвангера объединены в трилогию «Зал ожидания»: «Успех» («Erfolg», 1930), «Семья Опперман» («Die Geschwister Oppermann», 1933), «Изгнание» («Exil», 1939). Многие писатели возвращались к антивоенной тематике в последующих романах, и таким образом появились циклы не только из двух, трех, но и более АР. Произведения Э. М. Ремарка вообще прочитываются как целостный цикл АР, посвященных I и II мировым войнам и их последствиям, в частности проблемам военнопленных и эмигрантов, участников войн, которые уцелели, но продолжать нормальную жизнь уже не могут.

Новая волна становления АР связана с началом II мировой войны. Среди произведений обозначенного жанра второго военного периода «Изгнание» («Exil», 1939) Л. Фейхтвангера, «Прощание» («Abschied», 1940) И. Бехера, «Седьмой крест» («Das siebte Kreuz», 1942), «Транзитная виза» («Transit Visa», 1944) Анны Зегерс, «Возлюби ближнего своего» («Liebe Deinen Nächsten», 1941), «Триумфальная арка» («Arc de Triomphe», 1945) Э. М. Ремарка и многие другие. По горячим следам войны выходят в свет романы «Прогулка мертвых девушек» («Der Ausflug der toten Mädchen», 1946), «Мертвые остаются молодыми» («Die Toten bleiben jung», 1949) Анны Зегерс, «Время жить и время умирать» («Zeit zu leben und Zeit zu sterben», 1954) Э. М. Ремарка, «Где ты был, Адам?» («Wo warst du, Adam?», 1951), «Бильярд в половине десятого» («Billard um halbzehn», 1959) Г. Бёлля и прочие.

Вполне естественно, что именно в творчестве немецких писателей АР занял ведущие позиции, однако его образцы находим и в литературах других западноевропейских стран, а также США, бывшего СССР и проч. Интерес к антивоенной проблематике в мировой литературе не ослаблялся и в последние десятилетия XX века, а современная литература с каждым годом продолжает пополняться новыми АР, в которых наряду с осмыслением I и II мировых войн освещаются события во Вьетнаме, Афганистане, Чечне и др.

Назовем лишь самые знаковые АР этого периода. В американской литературе это «Голые и мертвые» («The Naked and the Dead», 1948) Н. Мейлера, «Молодые львы» («The Young Lions», 1948) И. Шоу, «Отныне и вовек» («From Here to Eternity», 1951) Дж. Джонса, диалогия «Ветры войны» («The Winds of War», 1971) и «Война и память» («War and Remembrance», 1978) Г. Вука. Среди самых известных АР русской литературы стоит вспомнить «Живые и мертвые» (1959) К. Симонова, «Июнь 41 года» (1964) Г. Бакланова, «Они сражались за Родину» (1969) М. Шолохова, «Горячий снег» (1970) Ю. Бондарева, «Прокляты и убиты» (1994) В. Астафьева. Вьетнамская война нашла свою художественную проекцию в романах «Большая война» («The Big War», 1957) Е. Майрера, «Зачем мы во Вьетнаме» («Why are we in Vietnam», 1967) Н. Мейлера и проч. Среди бесчисленного количества произведений об Афганистане следует вспомнить АР «Солдатская сага» (2007) Г. Боброва, «Возвращение в Кандагар» (2007) О. Ермакова, «Афганец» («The Afghan», 2007) Ф. Форсайта. В литературе уже сложилась традиция художественной интерпретации войны в Чечне: «Не моя война» (2004) В. Миронова, «На южном фронте без перемен» (2008) П. Яковенко и др. Сегодня количество АР исчисляется уже не сотнями, а тысячами, и даже сам их перечень, наверное, мог бы занять отдельную большую книгу.

Свидетельством того, что глобальный интерес к АР не утихает и в наше время, можно считать, в частности, тот факт, что в 2011 г. за роман о французских колониальных завоеваниях «Французское искусство войны» («L'Art français de la guerre») А. Женни получил Гонкуровскую премию. В 2013 г. эта премия была присуждена П. Леметру за роман о I мировой войне «До встречи наверху» («Augevoir la-haut»), в 2014 г. – Л. Сальвер за роман о гражданской войне 1930-х годов в Испании «Не плакать» («Pas pleurer»). В этом же году П. Модино был удостоен Нобелевской премии в области литературы за огромный вклад в сферу художественного

осмысления и интерпретации событий Второй мировой войны, что является главным объектом внимания писателя в большинстве его произведений, в частности в романах.

Особого рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает художественная интерпретация антивоенного жанра в литературах постсоветского пространства. Так, еще в конце прошлого века широкую огласку получили провокационные романы белорусской писательницы С. Алексиевич, которая осмелилась коснуться запрещенных страниц истории, например, проблемы места женщины на фронтах Великой отечественной войны в романе «У войны не женское лицо» (1983), правды об Афганистане в романе «Цинковые мальчики» (1989). В 1992 году был опубликован роман грузинского писателя А. Морчиладзе «Прогулка в Карабах» («მთგზაჯრობა ყარაბაღში»), разоблачающий детали армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. Примечательно, что с тех пор произведение было издано в разных переводах, последние из которых – на английском (Morchiladze 2013) и украинском языках (Морчиладзе 2014). Раскрытию тайн истории посвящен роман финской писательницы эстонского происхождения С. Оксанен «Когда исчезли голуби» («Kun kuuhkyset katosivat», 2012) о войне и двойной оккупации Эстонии нацистской Германией и Советским Союзом.

Более глубокого внимания заслуживает украинский АР, в котором уже сложились определенные традиции художественной интерпретации не только межгосударственных, но и внутринациональных конфликтов. К классическим образцам жанра в украинской литературе принадлежат романы «Человек бежит над пропастью» («Людина біжить над прірвою», 1949) Ивана Багряного, «И один в поле воин» («І один у полі воїн», 1956) Ю. Дольд-Михайлыка, «Потому что война – войной» («Бо війна – війною», 1989) Р. Иваничука. Как и в зарубежной литературе, много украинских АР объединены в циклы. Например, дилогии «Европа 45» («Європа 45», 1959), «Европа – Запад» («Європа – Захід», 1961) П. Загребельного; «Человек и оружие» («Людина і зброя», 1960), «Циклон» («Циклон», 1970) А. Гончара; «Огни среди ночи» («Вогні серед ночі», 1959), «Черный хлеб» («Чорний хліб», 1960) и «Жестокое милосердие» («Жорстоке милосердя», 1973), «Метель» («Віхола», 1983) Ю. Мушкетика; романы-трилогии: «Ост» («Ост») – «Морозов хутор» («Морозів хутір», 1948), «Темнота» («Темнота», 1957) и «Бегство от себя» («Втеча від себе», 1982) У. Самчука; «Степь» («Степ», 1976), «Была осень» («Була осінь», 1980), «Цель» («Мета», 1983) А. Сизоненко.

Сегодня украинский романский дискурс все чаще обогащается произведениями, посвященными осмыслению феномена войны и ее влияния на человека. Самыми заметными стали АР «Война и мы» («Війна і ми», 2012) С. Пантюка, «Книга забвения» («Книга забуття», 2013) В. Слапчука, «Свободный мир» («Вільний світ», 2014) Т. Белимовой. Проблемы войны и мира а также иные, связанные с ними, поднимаются во многих других современных украинских романах, в частности «OST» (2005) С. Батурина, «Остарбайтерский омут» («Остарбайтерський вир», 2010) М. Иванченко, «Столетие Якова» («Століття Якова», 2010) В. Лиса, «Торговица» («Торговиця», 2012) Р. Иваничука, «Война глазами солдата» («Війна очима солдата»,

2012) В. Пеунова, «Каникулы в Тангермюнде» («Вакації у Тангермюнде» 2012) Р.Сьомой, «Отлунне, от погібшого деда к умершему» («Відлуння, від загиблого діда до померлого», 2012) Л. Денисенко, «Танго смерти» («Танго смерті», 2013) Ю. Винничука, «Не вурдалаки» («Не вурдалаки», 2013) С. Талан. Эти и другие произведения дают основания утверждать активизацию новой волны военного / антивоенного романа в современном украинском литературном процессе.

Безусловно, усиленный читательский интерес к произведениям указанного тематического цикла в стране, где уже больше года продолжается необъявленная и официально не признанная война, мало кого может удивить. Поражает другое – все упомянутые романы написаны за несколько лет или незадолго до начала бурных военных противостояний в Украине, что заставляет задуматься над трансцендентальной сущностью авторского художественного мышления, творческого процесса и искусства слова в целом. И хотя в названных текстах описываются события I и II мировых, а также войн в Афганистане и Нагоном Карабахе, они прочитываются чрезвычайно злободневно, поскольку предложенные образы и затронутые проблемы, а также закодированные смыслы и подтексты поражают своей сопричастностью к реалиям сегодняшнего дня.

Итак, как это часто бывает в искусстве, когда человеческие трагедии становятся толчком к созданию художественных шедевров непреходящего звучания, литературе война дала целый ряд оригинальных произведений.

Выводы: перспективы жанра

Анализируя известный тезис о смерти романа, Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «Любой роман, превосходящий по своим достоинствам предыдущий, уничтожает его, а заодно и все остальные произведения того же ранга. Здесь, как в битве, победитель уничтожает своих врагов, и произведение, одержавшее жестокую победу в искусстве, истребляет легионы других, которые раньше пользовались успехом» (Ортега-и-Гассет 1991: 263). Приобщаясь к литературному диалогу, отметим, что упомянутые выше произведения свидетельствуют о нарастающей конкурентоспособности АР нашего времени по отношению к своим предшественникам. Анализ самых ярких образцов АР в мировой романистике позволяет прийти к выводам о творческом усвоении современными авторами лучших традиций жанра и одновременно разработку новых векторов интерпретации войны в художественной прозе. Проведенное исследование свидетельствует об актуальности и глубоком художественном потенциале АР в современном культурном пространстве. Хотя, как бы парадоксально это не звучало, тексты этого жанра хотелось бы видеть среди наименее востребованных в связи с неактуальностью поднимаемых в них вопросов.

К сожалению, пока что, пока существуют войны, АР не исчерпал себя как жанр, а заключительные слова из романа А. Гончара «Человек и оружие» (Людина і зброя», 1960) не потеряли обостренного звучания: «...даже погибая, будем верить,

что после нас будет иначе, и все это больше не повторится, и счастливый человек, разряжая последнюю бомбу в солнечный День Победы, скажет: это был последний кошмар на земле» (Гончар 1987: 318). Несмотря на высокие научно-технические и духовные достижения, войны до сих пор остаются самым страшным призраком нашей эпохи, и в начале III тысячелетия разворачиваются новые конфликты, которые носят еще более жестокий и непредсказуемый характер. В указанном контексте перспективы дальнейшего развития АР связаны с глубоким осмыслением войны как потенциальной угрозы не только отдельным странам и их жителям, а человечеству в целом, с утверждением мира и жизни как наивысшей человеческой ценности.

Литература:

- Honchar O. T. Tvory v 7 t. T. 4: Liudyna i zbroja. Tsyklon. K.: Dnipro, 1987 (Гончар О. Т. Твори в 7 т. Т. 4: Людина і зброя. Циклон / Олесь Терентійович Гончар. К.: Дніпро, 1987. 589 с.)
- Humenny M. H. Zahidny antyvojenny roman i proza O. Honchara: komparatyvny aspekt: Monografija. K.: Jevshan-zillia, 2012 (Гуменний М. Х. Західний антивоєнний роман і проза О. Гончара: компаративний аспект: Монографія / Микола Хомович Гуменний. – К.: «Свшан-зілля», 2012. – 376 с.)
- Humenny M. H. Poetyka romannogo zhanru Olesia Honchara: problemy typologij. K. : Fokus, 2005 (Гуменний М. Х. Поетика романного жанру Олеся Гончара: проблеми типологій / Микола Хомович Гуменний. К.: Акцент, 2005. 240 с.)
- Denysova T. N. Avtor, heroj, kompozycja // Radianske literaturoznavstvo. 1963. № 1. PP. 88–97 (Денисова Т. Н. Автор, герой, композиція / Тамара Наумівна Денисова // Радянське літературознавство. 1963. № 1. С. 88–97.)
- Zakharchuk I. V. Vijn i slovo (Militarna paradygma literatury sotsialistychnogo realizmu): monografija. Lutsk: PDV «Tverdypnia», 2008 (Захарчук І. В. Війна і слово (Мілітарна парадигма літератури соціалістичного реалізму): монографія / Ірина Василівна Захарчук. Луцьк: ПВД «Твердиня», 2008. – 406 с.)
- Istoriya vijn i zbrojnyh konfliktiv v Ukrajinі: encykl. dovid. [avt.-upor. A. I. Gurzhy ta in.]. K.: Vyd. gumanit. l-ry, 2004 (Історія війн і збройних конфліктів в Україні: енцикл. довід. / [авт.-упоряд. О. І. Гуржій та ін.]. К.: Вид. гуманіт. л-ри, 2004. 520 с.)
- Kratkiy slovar operativno-tacticheskikh i obschevojennyh slov (terminov) [pod red. Shkodunovicha N. N.]. M.: Ministerstvo oborony Sojuza SSR, 1958 (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов) / [под ред. Шкодуновича Н. Н.]. М.: Министерство обороны Союза ССР, 1958. 324 с.)
- Morchiladze A. Prugulianka na vijnu: roman. Kharkiv: Knyzhkovy Club «Club Simejnogo Dozvillia», 2014 (Морчиладзе А. Прогулянка на війну: роман / Ака Морчиладзе; пер. з англ. В. Полякова. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2014, 240 с.)
- Motyleva T. L. Pervy antifascistsky roman. «Vernopoddanny» Henricha Manna. M. Book, 1974 (Мотылева Т. Л. Первый антифашистский роман. «Верноподданный» Генриха Манна / Тамара Лазаревна Мотылева. М.: Книга, 1974. 124 с.)
- Motyleva T. L. Roman – svobodnaja forma. M.: Sovetsky pisatel, 1982 (Мотылева Т. Л. Роман – свободная форма / Тамара Лазаревна Мотылева. М.: Советский писатель, 1982. 400 с.)
- Nazaretian A. P. Anthropologija nasilija i cultura samoorganizatcii: Ocherki po evolutsyonno-istoricheskoy psikhologii. M.: Izdatelstvo LKI, 2007 (Назаретян А. П. Антропология насилия и культура

- самоорганізації: Очерки по эволюционно-исторической психологии / Аноп Погосович Назаретян. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.).
- Nazyvat veschi svoimi imenami: Progr. vystuplenija masterov zapadno-evrop. lit. XX v. [sost., predisl., obsch. red. L. G. Andreeva]. M.: Progress, 1986 (Называть вещи своими именами: Прогр. выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. – [сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева]. М.: Прогресс, 1986. 640 с.).
- Nechyporenko V. Filosofija nadiji, abo rozdumy and mozhlyvostiamy humanism v suchasnomu sviti v Ukrajinі // Кујів. 1998. № 3–4. PP. 130–137 (Нечипоренко В. Філософія надії, або роздуми над можливостями гуманізму в сучасному світі в Україні / Валерій Нечипоренко // Київ. 1998. № 3–4. С. 130–137.).
- Ortega-i-Gasset H. Estetika. Filosofija kultury. M.: Iskusstvo, 1991 (Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Хосе Ортега-и-Гассет / [вст. ст. Г. М. Фридендера; сост. В. Е. Багно]. М.: Искусство, 1991. 688 с.).
- Pantiuk S. Vijnа i my. K.: Jaroslaviv Val, 2012 (Пантюк С. Війна і ми / Сергій Пантюк http://bukvoid.com.ua/info/writers/Pantjuk_Sergiy.html / [передне слово С.Грaбapа]. К.: Ярославів Вал, 2012. – 168 с.).
- Slapchuk V. Knyha zabuttia: roman. K.: Jaroslaviv val, 2013 (Слапчук В. Книга забуття: роман / Василь Слапчук. К.: Ярославів Вал, 2013. 368 с.).
- Slovyk sociologichnyh i politologichnyh terminiv. [za zag. red. V. I. Astakhovoi, V. I. Danylenka, A. I. Panova]. K.: Vyscha shkola, 1993 (Словник соціологічних і політологічних термінів / [за заг. ред. В. І. Астахової, В. І. Даниленка, А. І. Панова]. К.: Вища школа, 1993. 142 с.).
- Suchasny tлумachny slovyk Ukrajinjskoi movy: 65 000 sliv. [za zag. red. d-ra filol. nauk, profesora V. V. Dubichynskogo]. Kharkiv: VD «Shkola», 2006 (Сучасний тлумачний словник української мови: 65 000 слів / [за заг. ред. д-ра філол. наук, проф. В. В. Дубічинського]. Х.: ВД «Школа», 2006. 1008 с.).
- Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 91 t. T. 30: Proizvedenija 1882–1898 gg. M.: Khudozhestvennaja literatura, 1951 (Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 91 т. Т.30: Произведения 1882–1898 гг. / Лев Николаевич Толстой. – М.: Художественная литература, 1951. 600 с.).
- Ukrajinjsky Radianskyj Encyclopedychny Slovyk v 3 t. T 1. A – Kalibr [redkol.: A. V. Kudrytzky (vidp. red.) ta in]. K.: Holov. red. URE, 1986 (Український Радянський Енциклопедичний Словник в 3-х т. Т 1. А – Калібр / [редкол.: А. В. Кудрицький (відп. ред.) та ін.]. – [2-е вид.]. К: Голов. ред. УРЕ, 1986. 752 с.).
- Philosophija istoriji: Pidruch. dlja vysch. shk. [Bojchenko I. V., Gorlach N. I., Danylian V. G. ta in.] Kharkiv: Prapor, 2006 (Філософія історії: Підруч. для вищ. шк. / [Бойченко І. В., Горlach М. І., Данільян О. Г. та ін.] Х.: Прапор, 2006. 656 с.).
- Chernenko O. P. Mykhajlo Kotsiubynsky – impressionist. Obraz ludyny v tvorchosti pysmennyka. Nju-Jork–Miunkhen: Suchasnist, 1977 (Черненко О. П. Михайло Коцюбинський – імпресіоніст. Образ людини в творчості письменника / Олександра Петрівна Черненко. Нью-Йорк – Мюнхен: Сучасність, 1977. – 143 с.).
- Morchiladze A. Journey to Karabakh: A Novel. London: Dalkey Archive Press, 2013. – 160 p.).
- Schneider T. F. Erich Maria Erich Maria Remarques Roman «Im Westen nichts Neues». Text, Edition, Entstehung, Distribution und Rezeption (1929–1930). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004 (Schneider T. F. Erich Maria Remarques Roman «Im Westen nichts Neues». Text, Edition, Entstehung, Distribution und Rezeption (1929–1930) / Thomas F. Schneider. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 430 s.).

Kateryna Gurdus
(Ukraine)

Anti-war Novel Genre Matrix and Contemporary Literature

Summary

Key words: anti-war novel, genre markers, genre matrix, pathos, poetics.

The paper is devoted to the study of anti-war novel as an artistic-aesthetic phenomenon, the analysis of the existential discourse of antinomy war / peace in science and literature as an art form.

The problem of genre name and its literary comprehension is touched. The question about the theoretical definition and recognition of anti-war novel as a term is raised because of its ignoring in directories, dictionaries, encyclopedias and other literary editions, despite nominative evidence and the use in practice of fiction analysis.

The place of anti-war novel in the genealogical hierarchy of literature is defined, in particular its correlation with such categories as military literature, military prose, anti-fascist novel.

Anti-war novel is considered through the prism of the classic novel genre's signs, in particular the scale of the depiction, the complex structure, broad spatial-temporal boundaries and extensive image system. The major stylistic components of the anti-war novel's genre matrix are analyzed more detailed. Special attention is paid to the anti-war pathos as defining genre marker and the concept of war as an art rod which structures works, depending on their topical vectors and determines the deployment of the story in one or another meaningful plane. The other differences of genre (battle scenes, naturalistic descriptions, elevated lyricism, realism etc.) and the most used techniques or artistic reality modeling resorted by the authors of anti-war novels (introspection, retrospection and anticipation) are also examined.

Anti-war novel appears as a contaminated genre structure, which can combine one or more additional genre dominants at the level of content, chronotope, subjects, that means it can simultaneously be social-psychological, philosophical, historical, adventure, fantastic, urban, marinistic, novel in short stories, poems, letters and others.

Theoretical comments and generalizations are supported by examples from world literary history. The origins of the genre as part of the military literature are traced in the heroic epos. The epos «War and Peace» by L. Tolstoi is distinguished from the author's literature in the context of obvious influence on the emergence of the anti-war novel. The fundamental basis of the studied genre system is seen in the novels-anticipation, novels-warning of war by H. Wells, Jack London and others, and also in the first anti-fascist novel «Man of Straw» by H. Mann.

It systematized waves of the formation of the anti-war novel. «Under Fire» by H. Barbusse is called as one of the earliest responses to the events of World War I. There has also been monitoring a new wave of interest in war / anti-war theme in the literature of

the late 20-ies of the XX century, which is conventionally called the interwar period of the development of anti-war novel. The works of this time «All Quiet on the Western Front» by E. M. Remarque, «Death of a Hero» by R. Aldington, «A Farewell to Arms!» by E. Hemingway are presented as textbook examples of the genre. Special attention is given to the second military period associated with numerous works comprehending the tragedy of humanity in World War II. New waves of anti-war novel formation are associated with events in Vietnam, Afghanistan, Chechnia etc. Numerous examples of novels-sequel that have become parts of the anti-war dialogues, trilogies and other cycles of anti-war prose are also given. It presents various examples of the genre in literature of the Western European countries and also the USA, the former USSR and others.

Features of artistic interpretation of the anti-war genre in literature of the post-Soviet space are analyzed on the example of provocative novels «War's Unwomanly Face», «The Boys of Zinc» by S. Alexievich, «A Journey to Karabakh» by A. Morchiladze, «When the Doves Disappeared» by S. Oksanen, in which the authors dared to touch many of the forbidden pages of history. A separate place is given to the consideration of the Ukrainian anti-war novel since the classics till the latest models, including «War and We» by S. Pantiuk, «The Book of Oblivion» by V. Slapchuk, «Free World» by T. Belimova and many others.

Analysis of the brightest examples of anti-war novel became the basis of claims for non-exhaustion of the genre and its powerful artistic potential in modern cultural space. Prospects for further development of anti-war novel are foreseen in a deep understanding of war as a potential threat not only to individual countries and their inhabitants, but to mankind in general, in the assertion of peace and life as the highest human values.

კატერინა გურდუზი (უკრაინა)

ანტისაომარი რომანის ჟანრული მატრიცა და თანამედროვე ლიტერატურა

საკვანძო სიტყვები: ანტისაომარი რომანი, ჟანრული მარკერები, ჟანრული მატრიცა, პათოსი, პოეტიკა.

სტატია ეთმობა ანტისაომარი რომანის, როგორც მხატვრულ-ესთეტიკური ფენომენის შესწავლას; ანტინომიის – **ომი/მშვიდობა** – ეგზისტენციალური დისკურსის ანალიზს მეცნიერებაში და ლიტერატურაში, როგორც ხელოვნების დარგში.

ნაშრომში დასმულია მოცემული ჟანრული სახელწოდების ფუნქციონირებისა და მისი ლიტერატურათმცოდნეობითი გააზრების პრობლემა, განხილულია ანტისაომარი რომანის, როგორც ტერმინის, თეორიული განსაზღვრისა და აღიარების საკითხი, ცნობარების, ლექსიკონებისა, ენციკლოპედიებისა და სხვა სალიტერატურო გამოცემების მიერ ამ ტერმინის იგნორირების გათვალისწინებით,

მიუხედავად მისი ნომინალური სიცხადისა და მხატვრული ლიტერატურის ანალიზის პროცესში გამოყენებისა; განსაზღვრულია ანტისაომარი რომანის ადგილი ლიტერატურის გენეალოგიურ იერარქიაში, კერძოდ, მისი შესაბამისობა ისეთ კატეგორიებთან, როგორცაა სამხედრო ლიტერატურა, სამხედრო პროზა, ანტი-ფაშისტური რომანი.

ანტისაომარი რომანი განხილულია რომანის ჟანრის კლასიკური ნიშნების პრიზმაში, კერძოდ კი – გამოსახულების მასშტაბურობით, აგებულების სირთულით, ფართო სივრცულ-დროული საზღვრებით, დატოტვილი სახეობრივი სისტემით. უფრო დეტალურადაა გაანალიზებული ანტისაომარი რომანის ჟანრული მატრიცის მხატვრულ-სტილური შემადგენელები. განსაკუთრებული ყურადღება ეთმობა ანტისაომარ პათოსს, როგორც ჟანრის განმსაზღვრელ მარკერს და ომის კონცეპტს, როგორც მხატვრულ ჩონჩხს, რომელიც აგებს ნაწარმოებებს მათი პრობლემურ-თემატური ვექტორების გათვალისწინებით და განაპირობებს სიუჟეტის განვითარებას ამა თუ იმ შინაარსობრივ სიბრტყეზე. ასევე, განხილულია ჟანრის სხვა მახასიათებლებიც (ბატალური სცენები, ნატურალისტური აღწერილობა, მომეტებული ლირიზმი, დოკუმენტურობა და სხვ.) და მხატვრული სინამდვილის მოდელირებისათვის მეტ-ნაკლებად გამოყენებადი მხატვრული ხერხები, რომელსაც მიმართავენ ანტისაომარი რომანის ავტორები (ინტროსპექცია, რეტროსპექცია და ანტიციპაცია).

ანტისაომარი რომანი წარმოდგენილია, როგორც კონტამინირებული ჟანრული სტრუქტურა, რომელსაც შეუძლია შეითავსოს ერთი ან რამდენიმე დამატებითი ჟანრული დომინანტი – შინაარსის, ქონოტოპის, თემატიკის დონეზე, ანუ შეუძლია ერთდროულად იყოს სოციალურ-ფსიქოლოგიური, ფილოსოფიური, ისტორიული, სათავგადასავლო, ფანტასტიკური, ურბანული, საზღვაო, ნოველისტური – რომანი ლექსად, ეპისტოლეებად და ა.შ.

თეორიული კომენტარები და განზოგადება გამყარებულია მაგალითებით მსოფლიო ლიტერატურის ისტორიიდან. სისტემატიზებულია ანტისაომარი რომანის ჩამოყალიბების სხვადასხვა ტალღა, რომლებიც, როგორც წესი, დაკავშირებულია I და II მსოფლიო, ასევე ვიეტნამის, ავღანეთის ჩეჩნეთის ომების დასაწყისთან. გამოყოფილია ჟანრის სათავეები, მისი კლასიკური ნიმუშები და უკანასკნელი სიახლეები.

ანტისაომარი რომანის ყველაზე ნათელი ნიმუშების ანალიზი იძლევა ჟანრის ამოუწურავობისა და თანამედროვე კულტურულ სივრცეში მისი მძლავრი მხატვრული პოტენციალის მტკიცების საფუძველს. ანტისაომარი რომანის შემდგომი განვითარების პერსპექტივები მოსჩანს იმის ღრმად გააზრებაში, რომ ომი პოტენციური საფრთხეა არა მხოლოდ ცალკეული ქვეყნებისა და მათი მოსახლეობისთვის, არამედ მთელი კაცობრიობისათვის, ასევე – მშვიდობისა და სიცოცხლის, როგორც უმაღლესი საკაცობრიო ფასეულობების მტკიცების პროცესისთვის.